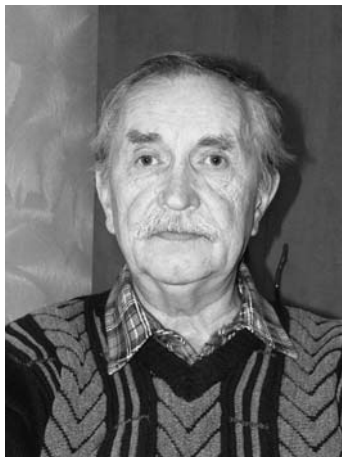

ВИКТОР ЛАПШИН

ЗЕМЛЮ УЖЕ С ВЫСОТЫ ОЗИРАЮ...

ФРОНТОВИК

Давно не вспоминался мне ты...
Жил на весёлом матерке
И, как обычные монеты,
Носил медали в кошельке.

Без них ты из дому ни шагу,
И брякали в мороз и в зной
“За боевые...”, “За отвагу”,
“За взятие...” — все до одной.

Хотя ты не сидел без дела,
Таскал, как бешеный, кули,
В кармане туго не хрустело,
К другим повадились рубли.

Другим ты был не очень нужен,
Глядели косо и вприщур:
“Бежал из плена, был контужен,
Хмельное любит чересчур...”

Детей не спрашивал ты: “Чьи вы?” —
Знал почему-то всё о нас.
Свистульки вырезал из ивы
И снежных баб лепил не раз.

Жизнь коротал ты одиноко,
Был даже нищенкам не мил.
Твоё единственное око
Взирало ласково на мир.

ПОХОД

Шагом марш! И грянули колонны,
И ушли навек за горизонт
Слесарь Афанасий из Коломны,
И из Гори брадобрей Резо,

И кузнец Вакула из Диканьки,
Из Баку ашуг Мамед-оглы...
Вы в народной памяти не каньте,
В День Победы сядьте за столы.

Живы в наших лицах ваши лики,
Подвиг ваш обурекает нас,
И поход, единый и великий,
В клевете и глуме не погряз.

...Кабы знать вам, что уже родился
И сосцы у ведьмы истребал
Тот, кто чуждой славой возгордился,
Сатаной запрятан и беспал!..

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Детства далёкого диво...
Там-то уж, как ни прикинь,
Пахнет полынью крапива
Или крапивой полынь.

Под обомшелым забором
Им хорошо до сих пор.
Длится за садом и бором
Аж до Москвы тот забор.

Доски глазасты в заборе,
За бесконечной доской
Вечно шумит либо море,
Либо владыка морской.

По мановенью трезубца
Мчится могучий фрегат.
Волны кипят и трясутся,
Ими владыка богат.

Кто капитан на фрегате?
Сам адмирал Ушаков.
Я у него на подхвате,
Лучший из всех моряков.

И, с флотоводцем на пару,
В громе, огне и дыму
Задал османам я жару
Да и ещё кой-кому.

Всей очарованной синью,
Всей вольной мощью волна
Пахнет крапивой с полынью,
Чем и родная она.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Кто же надоумил и сподобил
Одарить часовенкой наш край?
Вот тебе топор, пила и скобель;
Брёвен сколько хочешь — выбирай.

Слышал я, что ты не веришь в Бога
И не наших, кажется, кровей...
Всё равно с тебя Он спросит строго,
Коль в работе не сгоришь своей.

Местные-то что ж? Отнюдь не лень им.
Погляди-ка: ни души вокруг.
Грех не освятить благословеньем
Божье дело из безбожных рук.

ДОРОГА

За лешевым лесом, русалочьим плёсом
Дорога лежит, — ни развилок, ни тропок.
Ногам не стоптать, не разъехать колёсам
Песка причитанье, булыжника ропот.

Приседам кустов и древесным поклонам
Хранители душ путеводные рады.
Что мнилось под вербой, что снилось под клёном —
Виденья и думы таёжной громады.

Окольных путей, стёжек замысловатых
И говор, и гомон далёко-далёко.
Туда ярый сокол в сияющих латах,
Оттуда — в отрепье, нахохлен до срока.

Дорога для дали, для древних хождений
На зов Беловодья, на берег кисельный,
Где думал найти дерзкий лапотный гений
Отраду от бега мирской карусели.

Чужой шантрапой вволю высмеян лапоть,
И даже для нас он забавен немного,
Но каждой забытой песчинкой царапать
Нам душу подспудная будет дорога.

ПУТНИК

Висел Иуда на осине.
Шёл мимо добрый человек, —
Увидел, побелел, как снег,
Как о родном заплакал сыне:

“Несчастный, облюбван ты
Какой бедой или виною?”
И грянул голос с высоты:
“Оставь его, он проклят Мною!

Взор ныне осквернился твой,
И вот гноится в сердце рана.
Скорей глаза свои омой
Водой святого Иордана”.

К реке он прынул и спеша
Зеницы оплеснул устало,
И в путь пустился, а душа,
Как та осина, трепетала.

ПОЧИН

Когда ударил брата Каин,
Лбом низок и широк в кости,
Тот молча грянулся на камень
И тихо простонал: “Прости...”

На поле брата брат оставил,
В родной вернулся уголок.
— Не спрашивайте, где ваш Авель,
Я разбудить его не мог.

Без ветра нива трепетала,
И долго было слышно там,
Как Ева слёзно причитала
И проклинал себя Адам.

Над неоскудным бездорожьём
Взошли созвездия давно,
И наливалось гневом Божиим
В колосьях тощее зерно.

НА РОДИНЕ

Вдали зловещий гул Содомы
С его коварной новизной.
Здесь под любым кустом я дома,
Пылинке каждой я родной.

Мне и в науку и на благо
Весёлый василёк во ржи,
Ключ озорной на дне оврага
И в небе резвые стрижи...

Рябина кумачовой кистью
Дороже всяческих знамён.
Не заклеимён я здесь корыстью
И завистью не осквернён.

Взыскую мира я и лада,
Во мне и солнце, и луна.
Душа без счастья жизни рада
И тайной радостью сильна.

ПЕТРУ

Памяти октября 1993 года

Встань из гроба, Государь,
Величием, грозой и славой!
Духовным взором над Державой
Рачительно промчись, как встарь.

Обуреваем злобой вечной,
Корыстью, завистью зачат,
Неблагодарный, бессердечный
Мир на твоих идёт внучат.

Распутьями земного круга
На поруганье и урон
Спешат сюда, тесня друг друга,
Со всех сторон, со всех сторон.

Давно трещат и швы, и скрепы
Тебе родного Корабля,
И радуется тень Мазепы,
В восторге призрак короля.

Утраты и ущербы года
Напоминают нам в укор
И срам азовского похода,
И боя нарвского позор.

Знак не измены, так распада —
Высоток сдача и высот.
И армия лишь для парада.
И лишь для выборов народ.

Он жив не только хлеба ради,
Пусть чужебесием томим.
Мы не забыли: сила — в правде,
На том стоим, на том стоим.

Наследственной правдой правы,
Мы ношу вытерпим креста.
Величия, грозы и славы
Сокровищница не пуста.

ВЕТЕР

Утро мне радость сулило;
Грезилось: ветер несёт
Благовест Иерусалима
Или Афонских высот.

Глядя в небесное лоно,
Слышу в ночи над собой
Башенный гром Вавилона
Или Потопа прибой.

Ветер, пророчишь ли мне ты
Благо умерить в тиши
Крен сумасшедшей планеты
Встречным наклоном души?

ОСЕНЬ

Осени меня, осень, сиянием ясным,
Дуновеньем прощальным небес.
Тишины запредельной предчувствием властным
Я живу, но я в нём не исчез.

Будто землю уже с высоты озираю,
Из грядущего словно гляжу,
Одинаково свой и родимому краю,
И неведомому рубежу.

Осень, я у тебя на печальной примете,
И пускай, когда грянет зима,
Проступлю бледной буковкой в Новом завете,
Слабым вздохом в напеве псалма.

РОДНЯ

На лавке боров, к бойне гожий,
Вчерашний в зенках перепой,
И рыжий кот с бандитской рожей
Самодовлеюще тупой.

И рядом девочка-красотка
Усердно лепит “пирожки”,
На деда взглядывает кротко,
Лепечет: “Посмотри, каки!”

Из деда прёт отрыжка трубно,
И он бутылкой вновь и вновь
Рот затыкает; льётся трудно
“Ячменное”, его любовь.

“Смотри, ещё!” Он ей ни слова,
Пивная бочка, волчья сыть.
И как такая у такого
Родной кровинкой может быть?

Песок в ручонках чист и влажен,
Им лепка вовсе не игра.
Кряхтит старик, но голос важен:
“Молекула, домой пора!”

ПАМЯТИ В. В. КОЖИНОВА

Не хватает его, не хватает,
И душа нелюдимо томима.
Ах, мой друг, неужели светает?
Разве солнце взойдёт без Вадима?

Скоро снег необъятный растает,
Для него безнадёжно последний.
Нарастают наветы и сплетни.
Не хватает его, не хватает.

По-буслаевски жил он и славно.
Это он-то покой обретает?!
Не хватает его, не хватает,
Нас ему не хватает недавно.

ВСЕГО ЛИШЬ

Всего лишь ночь с её судьбою,
Всего лишь я и рядом ты,
И воедино мы с тобою
Изваяны из темноты.

Сквозняк поёт в дверные щели,
Дождь в мире шелестит шальном.
Нам снится долгий звон капли
И вешний ветер за окном.

Ещё невзгодой и утратой
Не окольцованы сердца.
Нетерпеливо конь крылатый
Копытом роет у крыльца.

И предвкушение полёта
Восторженнее, чем полёт;
И нам пока чудесный кто-то
Покинуть землю не даёт.

Тяжкое известие пришло из Галича. Не стало Виктора Лапшина.

Его ранние стихи ещё успел приветить и оценить Николай Рубцов. А когда первые крупные подборки стихов Виктора появились в московских журналах – они были восторженно встречены Инной Ростовцевой, Вадимом Кожиновым, Юрием Кузнецовым. Имена говорят сами за себя.

“Что же неоспоримо значительно в творчестве Виктора Лапшина? – писал Кожинов. – Прежде всего – очевидная сила, воля, энергия поэтического голоса, которых так недостаёт в стихах последних лет, написанных новыми именами... Виктор Лапшин... – поэт самого широкого диапазона... В каждой из... разнородных форм творчества Виктора Лапшина – особенный поэтический строй; даже самый их словарь, сама художественная лексика имеют явные отличия. И в то же время несомненна единая и глубоко личностная творческая воля, воплотившаяся во всём... жанровом многообразии”.

Отзыв Кузнецова был вообще беспрецедентным. Вопреки распространённому мнению, Юрий Поликарпович умел по-доброму ценить любое проявление поэтического дара. Но подобного тому, что он написал о Лапшине – не писалось им ни до, ни после.

“...Вспыхнула новая звезда. Загадай желание, читатель! Я уже загадал. Это Виктор Лапшин! Это настоящий поэт. Это не летучий метеор. Он слишком крупен по массе и сокрушителен по удару, и можно легко предугадать, что, рассекая плотную атмосферу современного литературного внимания или сопротивления (что одно и то же), он войдёт в русскую поэзию. Уже вошёл...”

Виктор Лапшин удивительно целомудренный поэт. После чтения многих его стихов в душе остаётся тонкий неуловимый аромат обаяния. И между тем он – сложный поэт, с широким эпическим видением, его воображение клубится, его умонастроение глубоко и полно тончайших смысловых оттенков. Человек, Родина, Природа – вот триединый объект его самых пристальных дум...

Крик улетающих осенних гусей для него что предсмертный стон. Гуси-то летят за предел. А Лапшин не хочет туда. Как будто за чертой окоёма сама смерть. Смерть и есть для него самый страшный предел...

Ясно одно. В русскую поэзию вошёл новый поэт. Снимите шапки, братья по цеху!”

В предисловии к поэме Лапшина “Дворовые фрески” Кузнецов органично сопрягал лапшинскую ноту с тютчевской — и был абсолютно прав в этом своём послыле. Земная жизнь во всех её многоцветных переливах, в удивительных человеческих образах, на глазах оживающих в поэзии Виктора, в тончайших энергиях, пронизывающих её изнутри, сочетается с глубинной тревогой за само земное бытие. “С болью наблюдает поэт, как разрушение достигает глубин Руси, кротких, простых и отзывчивых человеческих душ, делает людей равнодушными и жестокими... Ему ещё доступен психологизм — плод многовекового монашеского делания, который позже был подменён психоанализом и во многом ушёл из русской литературы, оставшись достоянием классиков XIX столетия. Лапшин зряч ко греху, запрытанному в глубинах, к притаившейся темноте”, — так писала о поэте Наталья Егорова.

Последние годы в Галиче были для Лапшина тяжкими и трудными, как для всякого русского человека, не пожелавшего и не смогшего вписаться в жизнь современных джунглей. Он с радостью отзывался на каждое известие из “Нашего современника”, на каждую публикацию его стихов, с благодарностью принимал любую нашу посильную помощь. Жизненных сил оставалось всё меньше и меньше, но талант не угасал, а стихи обретали всё большую классическую точность и строгость.

Сидеть бы целый век у речки говорливой,
Да чтоб сосновый дух и шум с окрестных гор!
Кто смеет говорить о жизни несчастливой?
Не счастье ли глядеть в сияющий костёр?

Лик пламенный его... ликующие искры!
Как будто смертный грех испепелён в огне!
Путь вечен предо мной, но благодатно быстры,
Мгновенны Божьи дни, дарованные — мне.

Незадолго до смерти Виктор Лапшин прислал нам из личного архива свою обильную переписку с друзьями-поэтами и новую поэтическую рукопись, из которой мы в этом номере публикуем первую, но не последнюю посмертную подборку его стихотворений.

Снимите шапки, братья по цеху! Ушёл в мир иной поэт, о котором нам всем ещё предстоит и писать, и говорить, и думать...

Сергей Куняев